

Научная статья
УДК 82-94 (571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/519/4

Авторский корпус и жанровые разновидности путевых дневников в сибирской литературе первой половины XIX в.

Кристина Антоновна Михайленко¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Аннотация. Исследуются путевые дневники первой половины XIX в. о Сибири в социологическом аспекте с опорой на теорию габитуса Пьера Бурдьё. Внимание уделяется корпусу авторов дневниковой прозы как агентов литературного поля, рассматривается ее жанровая специфика. Освещается роль путевых дневников ученых, чиновников, писателей в формировании как их символического капитала, так и социокультурного ландшафта Сибири. Классификация путевых записок Н.П. Матхановой дополняется за счет использования социологического подхода, раскрывающего связь между социальными позициями агентов и содержанием их записей.

Ключевые слова: путевые дневники, социология литературы, Сибирь, жанр, габитус, диспозиции

Для цитирования: Михайленко К.А. Авторский корпус и жанровые разновидности путевых дневников в сибирской литературе первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 32–39. doi: 10.17223/15617793/519/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/4

Author's corpus and genre varieties of travel diaries in Siberian literature of the first half of the 19th century

Kristina A. Mikhaylenko¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Abstract. The article studies travel diaries about Siberia from the first half of the 19th century through the lens of the sociology of literature, particularly drawing on Pierre Bourdieu's theory of habitus. The author aims to systematize these texts by identifying the interrelationship between the social positions of their creators—scientists, officials, and writers—and their narrative strategies. Special attention is paid to the role of diaries in shaping both the symbolic capital of the authors and the sociocultural landscape of Siberia. The relevance of this work stems from the need to reconsider the position of memoir and diary prose in Siberian literature, where it often finds itself on the periphery. Despite an extensive body of research devoted to documentary genres, the generic nature of Siberian travel diaries, their place in the literary field, and their influence on the regional literary process have not been studied systematically enough. The article raises the issue of the marginalization of these texts and their generic ambiguity. The author draws upon the classification of travel notes by N.P. Matkhanova, supplementing it with a sociological criterion that takes into account the habitus of the authors—their education, status, and profession. The research material consisted of approximately 100 texts of travel diaries. Applying Bourdieu's theory to Siberian memoir and diary prose allows for revealing the connection between the authors' social roles and the peculiarities of their texts. The author supplements Matkhanova's existing classification by employing a sociological approach, which helps to systematize the diaries not only according to genre but also according to social criteria. Particular attention is paid to the role of travel diaries in the accumulation of symbolic capital. The main conclusions of the study testify to the genre diversity of travel diaries, which are conditionally divided into scientific reports, official memoranda, fictionalized texts, and layperson's notes. However, the boundaries between these varieties are often blurred due to the syncretic nature of diaries. Scientists, such as Spassky and Bunge, emphasized the research character of their notes, contributing to the popularization of knowledge about Siberia. Officials, including Speransky and Korsakov, recorded administrative and ethnographic details, reflecting their official duties. Writers, for example Shchukin and Avdeeva, combined documentarity with artistry, creating texts that can be classified as fictionalized notes. The author emphasizes that diaries not only recorded reality but also reflected the social trajectories of their creators. For instance, the Decembrists, finding themselves in Siberia, transformed their economic and social capital into symbolic capital, using memoirs and diaries as a tool for self-identification. Siberia in this context emerges as a space of cultural transfer, where the interaction between local residents and newcomers (exiles, travelers, scientists) facilitated the exchange of symbolic capitals and the formation of a regional identity.

Keywords: travel diaries, sociology of literature, Siberia, genre, habitus, dispositions

For citation: Mikhaylenko, K.A. (2025) Author's corpus and genre varieties of travel diaries in Siberian literature of the first half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 32–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/4

Первая половина XIX в. характеризуется активным изучением Сибири, что довольно часто отражалось в мемуарно-дневниковых текстах (личные дневники, воспоминания, деловые отчеты, путевые записки), где формировались разные модели репрезентации сибирского социокультурного ландшафта, связанные с интенцией агентов (путешествие, ссылка, экспедиция, деловая поездка), действующих в границах определенного «времяпространства».

Актуализировавшееся еще в XX в. направление в литературоведении, связанное с изучением документальных жанров, в настоящее время не только не утратило своей силы, но и получило новый виток развития, что в том числе связано с обращением исследователей к автодокументальным формам, которые традиционно занимали периферийные позиции в литературном каноне. В этом смысле мемуарно-дневниковая проза о Сибири представляет собой уникальный, самобытный материал, изучение которого видится наиболее продуктивным в междисциплинарном аспекте: на пересечении литературоведения и социологии литературы.

Актуальность работы обусловлена также необходимостью переосмыслить положение мемуарно-дневниковой прозы в сибирской литературе, где она нередко «маргинализируется». При этом важно учитывать следующее: если при изучении фикциональных произведений вполне возможно использование только имманентного анализа, то в отношении источников мемуарного характера, где происходит диффузия документального и художественного, обращение к контексту их создания, к фигуре автора как агенту, обладающему уникальным габитусом, продуктивно и необходимо. Однако жанровая природа мемуарно-дневниковых текстов о Сибири, их место в поле литературы, влияние на региональный литературный процесс, роль в формировании символического капитала их авторов не изучены в системной взаимосвязи. В связи с этим целью исследования является систематизация текстов путевых дневников о Сибири первой половины XIX в. с опорой на теорию социальных полей Пьера Бурдьё и некоторые положения социологии литературы Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, а также выявление корреляции между социальной позицией авторов (ученые, государственные служащие, писатели) и их нарративными стратегиями.

Характеризуя корпус путевых дневников о Сибири, мы руководствуемся классификацией, предложенной Н.П. Матхановой, в которую встраиваем социологический подход, позволяющий показать авторов дневников как агентов социального поля, не обладающих профессиональным писательским габитусом. Письменная практика, отражающая изменения на уровне диспозиций, в данном случае есть ответ авторов на пересечение не только пространства физического, но и социального (смена страты), на изменение положения относительно привычного габитуса: офицеры, чиновники, ученые оказываются в новой для себя роли (путешественника, временного жителя Сибири) в разнородном социальном пространстве на территории неизведанной Сибири.

Степень изученности темы можно рассматривать с нескольких исследовательских позиций: соотношения документального и художественного в мемуарно-дневниковой прозе (Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Манна, И.О. Шайтанова, А.Г. Тартаковского); роли документалистики в истории сибирской литературы (М.К. Азадовский, Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Покровский, Ю.С. Постнов, Е.К. Ромодановская, В.П. Трушкин, В.Г. Одинокоев, Л.П. Якимова, Б.А. Чмыхало, Ю.В. Шатин, К.В. Анисимов, А.А. Григорьев, И.А. Щукин, С.В. Мельникова, Н.П. Матханова); формирования образа Сибири в русской литературе XIX в. (В.И. Тюпа, К.В. Анисимов, А.В. Юдельсон, В.А. Ламин, М.В. Шиловский, Н.Н. Родигина, А.Ю. Горбенко); влияния документальных жанров на социокультурный ландшафт Сибири (И.А. Айзикова).

Но, несмотря на обширный корпус проведенных исследований, проблемным остается традиционный вопрос, являются ли мемуарно-дневниковые тексты литературой, который, как нам представляется, вполне логично снимается в дискурсе социологии литературы, где литература, рассматриваемая как часть культурного института, выступает носителем важнейших социально значимых функций: ретрансляции социальных изменений, формирования общественного мнения и идеалов, а также сохранения культурных традиций. Литература в этом смысле позволяет «поддерживать культурную идентичность общества» [1. С. 13], способствует формированию *социокультурного ландшафта*, под которым в рамках исследования мы понимаем «территориальную систему, состоящую из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, это продукт взаимоотношений физической реальности, социальных практик и рефлексий, отраженных в текстах» [2. С. 147].

Вместе с тем так называемая «литература с главенствующим документальным началом» [3], репродуцирующая действительность, ставящая в центр нарратива не вымышленную, а реальную реальность – факт, безусловно, отличается литературной обработанностью факта, определяемой индивидуально-авторскими габитусом и диспозициями. В исследовании под габитусом понимается система диспозиций (установок, паттернов мышления и действий), усвоенная агентом в процессе социализации, некий отпечаток социального, определяющий не только образ мыслей и порядок действий, при этом диспозиции – это предрасположенности, склонности, которые ситуативно порождают практики. Именно диспозиции задают те самые рамки, в которых действует агент поля литературы.

Именно габитус детерминирует индивидуально-авторскую позицию, с которой воспринимаются и репрезентируются факты в дневниковой прозе, в том числе в сибирской¹, авторами которой чаще всего являлись люди, далекие от профессионального литературного творчества. Фактический материал, собранный ими лично и определяющий «документальное начало» их дневниковой прозы, формируется различными источниками – «официальные документы, свидетельства, воспоминания автора, записи устных рассказов и т.д.» [4. С. 193].

Субъективное начало нарратива выступает точкой «отсчета» и «центром упорядочивания реальности» [1. С. 41], организующим саму «архитектуру» документального источника (например, подневные записи в путевых дневниках), являясь в то же время индикатором социальных сдвигов. В литературном поле мемуарно-дневниковая проза становится площадкой фиксации и осмысления ценностно-нормативной эрозии, происходящей в обществе. В этом смысле поле литературы, в частности документальные жанры, резонирует с полем власти. Наиболее ярко это прослеживается в мемуарно-дневниковой прозе политических ссыльных, где тема власти сама по себе – смыслообразующая: «Я сознавался внутренне, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло вперед, не задерживая, а поощряя успехи просвещения и гражданственности. Тогда бы я первый стал под хоругвь самодержавия» [5. С. 13], – пишет Н.В. Басаргин в своих полных глубокой рефлексии относительно организации государственной власти в России записках, которые, в свою очередь, являются выразительным примером социальной власти, влияния на сознание, мироощущение окружающего социума или, по крайней мере, его отдельных групп [6].

Если рассматривать мемуарно-дневниковую прозу как автофикшен, то это в некотором смысле репрезентация кольцевой авторской рецепции, основанной на системе представления индивида о себе. Память здесь – это связующее звено между разными видами эго-текстов, в том числе мемуарами и дневниками, она не только сохраняет прожитый опыт, но и отражает индивидуально-авторские диспозиции. При этом документальная проза как часть литературы демонстрирует культурность форм репрезентации действительности – «модусом ее существования является бытие автономной личности, удерживающей в акте сознания и творчества историческую память общества» [1. С. 56].

Специфика путевых дневников, в отличие от дневников сугубо личных, интимных, видится в авторской интенции быть услышанным: «...иногда дневник ведется по совету кого-то из близкого окружения автора или с целью поделиться впоследствии впечатлениями от пережитого, от путешествия, быть может, принести пользу тому, кто когда-нибудь прочтет эти записи» [7. С. 74]: «Желал бы я, чтоб предлагаемые мною опыты путешествий по Сибири привлекли внимание соотечественников и послужили бы поводом к точнейшим розысканиям законов и богатства Природы в сей стране по местоположению своему отдаленной; но по многим отношениям близкой к сердцу всякого Русского»² [8. С. 4], – читаем в дневнике историка, сибиревода Григория Ивановича Спасского. Привлечь внимание, инициировать дальнейшие исследования, сподвигнуть к открытию Сибири – лишь часть проявленной авторской интенции. В дневниках достаточно явно высвечивается бытие самого автора, субъективность его восприятия реальности, обусловленного текущими диспозициями: «Нигде путешественник, хотя объехал бы он горы Аппенинские, взбирался на ледяные высоты Швейцарии; или бы прошел топкости Бельгии и ужасные утесы Шотландии и Скандинавии – нигде не увидит он тех редких предметов в новости как в Сибири:

ибо в чуждых оных землях касался уже и взор и рука до всего сущего от времен давних, а здесь юная Натура во всей целостности своей и совершенстве. <...> О! как величественна в Сибири природа...» [8. С. 4–5], – так через социальную позицию нарратора-ученого выявляется подход к описанию действительности. Сибирь в этом случае выступает как объект этнографического анализа. Однако в это же время наблюдаем эмоциональное восприятие пространства («юная Натура», «величественна»), свидетельствующее о пристрастном отношении к региону, где на первом плане – ценностная картина мира автора, выраженная в интенции показать красоту и величие сибирского края.

Н.П. Матханова выделяет путевые записки как одну из разновидностей мемуарной прозы, включающей воспоминания и дневники [9. С. 77], разделяя записки на несколько видов в соответствии с описываемым объектом и авторской интенцией. Так, исследовательница обозначает записки «в чистом виде» с бытовым описанием природы, быта и нравов; научные и деловые отчеты, носящие исследовательский характер, принадлежащие ученым, профессиональным исследователям; беллетризованные / публицистические записки, включающие элементы художественного, отражающие не только наблюдаемые объекты, но индивидуально-авторское мировидение; путеводители с описанием пути, достопримечательностей, цен и других сведений, вызывающих интерес у туриста. Несмотря на то, что подобное разделение видится весьма условным, учитывая синкретическую природу мемуарных-дневниковых текстов, оно вполне продуктивно для корпуса сибирских путевых дневников – в действительности достаточно сложно отнести тот или иной источник к запискам «в чистом виде». Как правило, в подобных текстах можно наблюдать совершенно разные описываемые объекты (природа, быт, обычаи, города, персоналии) и доминирующую авторскую модальность. Кроме того, фикциональный элемент так или иначе фиксируется в различного вида источниках. Что касается дифференциации Матхановой корпуса текстов на дневники и записки, то в этом отношении мы все-таки придерживаемся позиции, что исследуемые источники являются именно путевыми дневниками, что отражается в их индивидуально-авторской природе, дискретности, ретрансляции личного опыта, синхронности записей текущему для автора времени.

В контексте нашего исследования релевантным, как было указано выше, видится подход, связанный с обращением к автору как агенту поля литературы, в котором реализуется не только некая интенция, но манифестируются его ценности («самоценности авторской субъективности» [1. С. 55]), установки (габитус), через которые пропускается рецепция особого топоса – Сибири. Попадая в новое, чужое, пространство в разное время и по разным причинам, разные агенты оказываются в схожей позиции открывателя неизведанных земель: «Посвящая благосклонной публике мой труд, под заглавием Путевых Заметок и Впечатлений: по Западной Сибири, Восточной России, Московской и Тверской губерниям, с которыми местами я имел в виду короче познакомиться читателей: из них одни могут припомнить и поверить мои очерки с известными им уже

предметами, другие не странствующие, подобно мне, могут усвоить мой взгляд <...> при обозрении больших городов, стараясь по возможности доставить занимательность моему рассказу, я имел в виду: не только любопытные, но вместе и необходимые, для путешественника, предметы», – пишет Иосиф Федорович Белов в своих «Путевых заметках и впечатлениях по Западной Сибири» [10. С. 5–6].

При этом индивидуально-авторская рецепция, отражающая «индивидуальную манеру пересечения социального пространства, выражающую диспозиции некоего габитуса» [11. С. 438], в то же время имеет схожие черты. Так, источники мемуарного характера являются следствием изменений в социальной, в том числе интрагенерационной, траектории их авторов. Например, декабристы перемещаются из привилегированной дворянской позиции в ссыльнокаторжную, что приводит к трансформации их капитала из экономического и социального в символический. Сформированный в социальном пространстве образ несчастных, мучеников, сакрализованый в воспоминаниях местных жителей, способствует формированию устойчивых представлений о политических ссыльных, декабристского мифа. В этом смысле написание агентами мемуаров, дневников, путевых записок – это своего рода долгосрочные инвестиции в создание своего символического капитала, что, скорее всего, не было сознательным «вложением» среди авторов текстов в момент их создания.

Для формирования корпуса сибирских путевых дневников использовались библиографический указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского (1801–1856 г.) [12], монография Н.П. Матхановой «Сибирская мемуаристика XIX века» [9] и аннотированный указатель «Русский травелог XVIII – начала XX веков» под редакцией Т.И. Печерской [13]. Выявлено 100 изданий путевых дневников, посвященных Сибири. Важно отметить, что значительная часть их авторов – представители русской интеллигенции, обладающие обширным образованием, сочетающие, как правило, несколько социальных ролей: чиновник, ученый, писатель, просветитель и т.д., в связи с чем в анализе мы учитывали социальное положение автора, соответствующее времени создания дневника.

Так, рассматривая корпус путевых дневников, мы выделили следующие основные категории агентов: писатели, госслужащие, офицеры, ученые, отдельно рассмотрены дневники местных жителей, в том числе купцов.

Наибольшую долю в корпусе сибирских путевых дневников занимают научные дневники, соответствующие в классификации Н.П. Матхановой «научным и деловым отчетам», созданным профессиональными учеными: «О забайкальских бурятах» О.М. Ковалевского, «Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири, изданные Григорием Спасским, Императорской Санкт-Петербургско академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом» и «Письма из Сибири» Г.И. Спасского, «Отрывки из путешествия к Ледовитому морю для отыскания мамонта» М.Ф. Адамса, «Путешествие доктора Бунге по

восточной части Алтая в 1826 году» А.А. Бунге, «Путешествия коллежского регистратора Геденштрома к Ледовитому морю и к землям, открытым на оном от устья реки Лены к Востоку (1808–1810)» М.М. Геденштрома, «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849)» М.А. Кастрена, «Извлечение из дневниковых записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северовосточной Сибири» А.-Э. Кибера, «Путевые записки адмирала Ф.П. Врангеля» Ф.П. Врангеля, «Путешествие в Восточный Алтай» П.А. Чихачева, «Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г.» И.П. Шангина, «Геологическое путешествие по Алтаю. С историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах» Г.Е. Щуровского, «Рассказы о сибирских золотых приисках» П.И. Небольсина.

Печатались перечисленные дневники в основном в краеведческом журнале Г.И. Спасского – «Сибирский Вестник» (позже переименованном в «Азиатский Вестник»), в «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Вестнике Русского географического общества», «Записках Русского географического общества». Некоторые дневники выходили отдельными изданиями (например, «Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири...» Г.И. Спасского, «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 году» А.А. Бунге).

Основной круг тем путевых дневников ученых включает в себя быт, нравы, обрядовую культуру инородцев (бурят, эвенков, ненцев, хантов и др.), исторические, статистические, экономические, демографические сведения о крае, описание рудников, растительного и животного мира, климата.

Авторская интенция в научных дневниках напрямую связана с социальной ролью нарраторов: с одной стороны, это исследование явлений материального мира с целью открытия дикого края и популяризации сведений о нем, с другой – это накапливание символического капитала региона через введение в научный оборот нового знания о Сибири, в том числе посредством публикаций о ней в специализированных журналах.

Следующую группу текстов, близких к деловым отчетам, составляют дневники государственных служащих, чиновников, оказавшихся в Сибири по долгу службы: «Дневник графа М.М. Сперанского» М.М. Сперанского, «Жизнь и описание путешествия казака Назимова из Восточной Сибири, с границ Китайской империи, в Санкт-Петербург пешком» и «Поездка к минеральным ключам, находящимся в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии» В.И. Беккера, «Сибирские письма. Письмо первое: (Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края)» и «Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку: (Письмо к редактору)» Н.Д. Свербеева, «Мое путешествие на край ночи и к границам Китая: Отрывок из воспоминаний» А.Х. Бенкендорфа, «Замечания о Сибири сенатора Корнилова» А.М. Корнилова, «Путевые заметки от Москвы до Иркутска: Дневник», «Дневные заметки:

(Пребывание в Иркутске и путешествие в Охотск. 13 марта – 24 апреля 1849 г.), «Путевые заметки: (От Якутска до Охотска и пребывание в Охотске. 25 апреля – 31 мая 1849 г.)» М.С. Корсакова.

Путевые дневники государственных служащих публиковались в общественно-политическом журнале «Сын отечества» (в котором, как известно, до 1825 г. печатались декабристы), в «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Вестнике Русского географического общества», «Отечественных записках», однако были выявлены источники, сохранившиеся в виде автографа (например, дневник М.С. Корсакова).

Дневники чиновников содержат сведения о государственных учреждениях, ведении торговли, встречах авторов с местными чиновниками, ценах на продукцию (например, дневник М.М. Сперанского). Кроме того, в источниках описываются коренные народы, проживающие на территории Сибири, их быт, нравы, обычаи (напр., дневники Н.Д. Свербеева). Дневники также включают описание облика сибирских городов, образа жизни сибиряков, исторические, статистические и этнографические сведения о крае. Среди источников есть и такие, которые посвящены декабристам и местной интеллигенции (например, дневник М.С. Корсакова).

Дневники госслужащих, отражающие индивидуально-авторские установки, обусловленные габитусом агентов (уровнем образования, статусом, профессиональными обязанностями, ценностями и др.) и их текущими диспозициями (цели деятельности, позиция, политические взгляды), эксплицированными в образе действий в конкретном хронотопе и реакциях на стимулы, позволяют воссоздать не только картину административной системы первой половины XIX в., но и культурной среды, социально-экономических процессов. Указанные источники, отражающие региональную специфику, важны для понимания динамики взаимоотношений центра и периферии, процесса освоения Сибири.

Путевые дневники представителей армии и флота Российской империи так же по большей части тяготеют к форме отчетов, содержащих различные географические сведения: «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири» И. Белова, «На реке Амуре в 1854–1855 гг. Воспоминания офицера из отряда Н.Н. Муравьева» А.Е. Баранова, «Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник 25 авг. 1853 г. – 19 мая 1854 г.» Н.В. Буссе, «Путевые записки адмирала Ф.П. Врангеля» Ф.П. Врангеля, «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» Г.И. Давыдова, «Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света» В.С. Завойко, «Заметки жителя того света. Поездка на тот свет. Путь в Охотск. Исторический журнал брига „Охотск“» Л.А. Загоскина, «Посещение главного бурятского храма на Гусиных озерах. Второй отрывок из дневника ген.-лейт. бар. Зедделера» Л.И. Зедделера, Амурская экспедиция 1854 года: (Рассказ очевидца)» А.С. Сгибнева.

В этой части корпуса наблюдается множество самостоятельных моноизданий («Путевые заметки и впе-

чатления по Западной Сибири» И. Белова, «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» Г.И. Давыдова), из периодики следует назвать историко-литературные журналы «Русская старина» и «Исторический вестник», где публиковалась мемуарно-дневниковая проза, учено-литературный журнал «Москвитянин», «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества»

Тексты этой группы авторов включают описание внешнего вида городов, обычаев и верований, языка и быта коренных народов (заметки о татарах, киргизах, калмыках, башкирах, быт и нравы нивхов, бурят). Если дневники государственных деятелей в основном затрагивали Восточную и Западную Сибирь, то здесь описываются Дальний Восток, Сахалин, Камчатка, Якутск – отдаленные территории, что было связано со спецификой (целью) физического пересечения автoрами пространства – экспедиции, движение к месту службы, в том числе плавание (сплавы). Среди агентов встречаются и морские офицеры, объектами их описания становятся водоемы. Кроме того, встречаются отголоски темы каторги и ссылки, например, в дневнике А.С. Сгибнева фиксируются сведения о ссыльнокааторжных, в том числе петрашевцах.

Перечисленные тексты создавались государственными служащими, выполняющими специальные поручения или участвующими в экспедициях. Это определяет специфику габитуса и текущих диспозиций, влияющих на содержание документов: подробное описание маршрутов, оценка состояния инфраструктуры, природные и культурные особенности посещаемых мест, контакты с местным населением и административное устройство.

Если путевые дневники чиновников и офицеров, перемещающихся из центра в отдаленные земли, представляют собой в основном научные заметки, в том числе официальные отчеты, то записки «в чистом виде», как правило, принадлежащие местным жителям, содержащие то же описание природы, быта и нравов инородцев, но без интенции внести научный вклад или выполнить служебное задание, местами представляют собой комментарии наблюдаемого *изнутри*, отчего не менее любопытны, чем деловые отчеты, сфокусированные на рецепции сибирского края *извне*. Назовем «Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Аннойскую крепость в 1855 году» М.Н. Барамыгина, «Из прошлого Сибири. Мученики и мучители» П.Т. Баснина, «Из до-реформенной Сибири» Н.Ф. Борисовского, «Переезды с Александром Гумбольдом по Сибири» Д. Ермолова, «Письма из Сибири», «Письма из Сибири 1826 года» П.А. Словоцова.

Публиковались такие записки в историко-литературных журналах «Исторический вестник» и «Русский архив», в журнале «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», в энциклопедическом журнале Н.А. Полевого «Московский телеграф», «Азиатском вестнике» Г.И. Спаского.

Круг тем этих публикаций включает описание быта и нравов коренных народов, портреты сибирских купцов, интеллигенции, чиновничества, ссыльнопоселенцев, сибирской администрации. Освещается явление миссионерства в Сибири.

В силу своей синкретичности некоторые дневники находятся на границе жанров, например, дневник Г.Н. Потанина «Полгода в Алтае: (Май – октябрь 1856 г.)» по своему содержанию тяготеет к путевому (а местами и бытовому) очерку, в который искусно вплетаются исторические сведения о крае. Повествование сконцентрировано на жизни героя-нарратора в станице Чарышской Томской губернии, описание быта местного населения ведется с позиции активного участника событий, заготовителя кедровых орехов, охотника, рыболова.

В этом смысле дневник Потанина видится переходным между записками («в чистом виде») и *беллетризованными / публицистическими записками*, которые явно выделяются на фоне научных дневников, официальных отчетов. Авторство беллетризованных дневников чаще всего принадлежит писателям, агентам поля литературы, наиболее близких к его ядру. В связи с этим произведения из этой части корпуса весьма синкретичны, дневниковый характер здесь фрагментарен и часто условен: «Поездка в Кяхту» *Е.А. Авдеевой*, «Воздушный тарантас (путевые заметки по Восточной Сибири)» *М.А. Александрова*, «Две поездки» *Н.К. Баженова*, «Письма о Восточной Сибири» *А.И. Мартоса*, «Поездка в Забайкальский край» *В.П. Паршина*, «Воспоминания. Отъезд в Камчатку» *Л.И. Рикорд*, «Очерки Сибири», «Поездка в Якутск», «Поездка на остров Ольхан», «Поездка на Туранские горячие воды» *Н.С. Щукина*, «Записки первого золотоискателя в окрестностях Иркутска» *С.С. Щукина*. Среди авторов как временные жители Сибири, так и представители местного населения – В.П. Паршин, Н.С. Щукин, С.С. Щукин, которые через документальную прозу прямым образом влияли на становление сибирской литературы. Кроме того, в этой группе сочинений находятся и женские эго-тексты (*Е.А. Авдеевой*, *Л.И. Рикорд*), которые имеют свою специфику, в том числе в силу большей эмоциональности героини-нарратора, что выражается в стиле письма, деталях, бытовых эпизодах.

Публиковались такого рода записки как отдельными изданиями, так и в периодике: официальный орган военно-морского ведомства «Морской сборник», «Сын отечества», «Журнал министерства внутренних дел», «Отечественные записки», исторический журнал «Русская старина».

Совмещая документальность с фикциональностью, авторы беллетризованных дневников также обращались к традиционным для корпуса сибирской мемуарно-дневниковой прозы темам: сибирских городов, коренных народов, природе, истории края, преломляя их через индивидуально-авторский габитус.

При исследовании корпуса путевых дневников были выявлены неатрибутированные тексты («Переезд через Барабинскую степь», «Шаманский порог на реке Ангаре: (Из записок путешественника)).

Публиковались неатрибутированные источники в литературно-историческом «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», в «Библиотеке для чтения».

В текстах подробно рассматриваются сибирские реки, образ жизни беглых поселенцев, промыслы в Сибири, жизненный уклад сибирских чиновников, купцов, приказчиков, мещан, крестьян, казаков.

При первом приближении мы стремились показать разнородность формируемого посредством мемуарно-дневниковой прозы поля литературы, взглянув на него через призму социальных ролей их авторов. Это принципиально значимо в контексте нашей работы, в которой мы исследуем движение агентов сибирского поля литературы в двух различных модусах: «первый – движение навстречу Сибири как позитивное действие, активность, предопределенная волей и желанием самого человека», добровольно осуществляющего пересечение физического и социального пространств, что актуализирует «мотив преобразования, в контексте которого человек ощущает себя воином, первопроходцем, естествоиспытателем, просветителем» (путевые дневники) и «противоположный модус – это движение вынужденное, его версии: каторга, этап, ссылка, переселение» [14. С. 65] (мемуары ссыльных), как следствие, образ Сибири – пространства «лиминальной смерти», который со временем трансформируется в «сакральное место прозрения божественных истин и заповедей» [15. С. 108].

Если рассматривать поле литературы как пространство реализации чистого искусства (искусства для искусства), то мемуарно-дневниковая проза не только не попадает в него, но даже не рассматривается с этой позиции, однако при подходе с точки зрения социологии литературы к установлению границ литературного поля, при котором имеются в виду любые проявления фикционального, воспоминания и дневники не элиминируются из литературного пространства, а становятся неотъемлемыми элементами структуры.

Взрывной рост количества публикуемых текстов мемуарно-дневникового жанра в периодической прессе, сборниках и отдельных моноизданиях на всем протяжении XIX в. способствует размытию границ поля сибирской литературы, отличающегося «слабой кодификацией» [11. С. 383]. Кроме того, сам вход в поле культуры возможен и без наличия значительного символического капитала. Попытка агента (автора) воспроизвести фрагменты действительности, сопряженная с художественным ее осмыслением, не только обусловлена авторской интенцией, но и репрезентацией автора-творца, отражающей оригинальное мировидение агента. В этом смысле автор не обязательно должен быть признанным писателем и обладать культурным багажом. Вспомним, например, мемуары сибирских авторов (непрофессиональных писателей) о декабристах, среди этих сочинений присутствуют совершенно любительские повествования, что не лишает упомянутые тексты их документальной и в некоторых случаях даже эстетической значимости.

При этом поле организуется как «сеть объективных отношений (господства или подчинения, взаимодополнительности или антагонизма и т.д.) между позициями» [11. С. 391]. В этом смысле актуализируется вопрос о позиции мемуарно-дневниковой прозы (в аспекте ее жанровой принадлежности) внутри поля литературы в целом, и о позиции путевых дневников среди мемуарно-дневниковых текстов в частности.

Авторы мемуарно-дневниковой прозы, репрезентирующие Сибирь посредством ретрансляции усвоенных, вспоминаемых фрагментов действительности, связанных с реально существующими исторически значимыми личностями (например, декабристами или петрашевцами), обладают властью «освящения»: например, в воспоминаниях сибирских авторов о декабристах образы последних, будучи объектом и результатом индивидуально-авторского восприятия, «освященные», «канонизированные» автором, «освящают» своим присутствием пространство, место своего пребывания в Сибири.

Именно в пространстве, в данном случае – сибирском, происходит интеракция, способствующая миграции своеобразного символического капитала – от местного населения к «чужим», приезжим, и наоборот. Так, рассказы, легенды, народное мифотворчество сибиряков интегрируются в воспоминания ссыльных, ценностно обогащая создаваемые ими тексты, с другой стороны, сибиряки – реципиенты того культурного капитала, которым обладают временные жители Сибири. В этом смысле последняя видится пространством культурного трансфера³, в котором происходит взаимодействие различных габитусов, инициирующее диффузию между различного рода символическими капиталами. Более того, каждая из сторон такого взаимодействия, принимая на себя некий изначально *чужой* набор диспозиций и интерпретируя его в контексте *своего* габитуса, нарабатывает себе свой символический капитал.

Так, ссыльные, путешественники, государственные служащие усваивают ранее неизвестные нормы, обычаи, традиции, мышление сибирских жителей, в том числе инородцев, что впоследствии объективируется в материальных носителях информации – изданиях различных видов (моноиздания, сборники, дайджесты), и жанров (воспоминания, дневники, путевые записки, письма и т. д.). В свою очередь такой символический капитал позволяет им идентифицировать себя как членов определенной социальной группы «сибиряков» – ссыльных, декабристов, путешественников, первоот-

крывателей Сибири. Агенты могут находиться дистантно друг от друга с точки зрения времени и пространства, однако их всегда сближает репрезентация коллективного социального капитала.

Кроме того, временные жители, свободные от экономической деятельности, а значит, от накопления этого вида капитала, «инвестируют» свой символический капитал, созданный до прибытия в Сибирь, в местное социальное поле, в частности литературное, что прослеживается, например, в продуцировании местными жителями оригинальных произведений мемуарно-дневниковой прозы (мемуары сибирских авторов о декабристах, путевые дневники и записки сибиряков). Рожденные в Сибири ученые, писатели также не раз в своей жизни пересекают границы Сибири и центральной России (например, Потанин, Ядринцев, Наумов и др.), по-своему накапливая свой символический капитал, формируя свой образ писателя, ученого, общественного деятеля, мыслителя, реформатора и т.д.

Таким образом, в XIX в. дневники являлись релевантной формой самоидентификации личности, ретрансляции ценностных авторских установок, формирования культурного, социального, а в перспективе и символического капиталов. Дифференцируемые в соответствии с авторским габитусом и интенцией, источники мемуарного характера, инкорпорированные в поле литературы, способствовали интериоризации авторского опыта, самовыражения и самопознания.

При этом дневники буквально манифестировали общественное положение их авторов, способствуя легитимации их статуса: ссыльные, ученые, писатели, государственные служащие, которые посредством документального фиксирования опыта получали возможность стать частью социального, а в дальнейшем и литературного поля. Кроме того, научные дневники, фиксирующие значимые факты реальной действительности, открытия, ускоряли процесс нарабатывания символического капитала их авторов за счет признания профессиональным сообществом легитимности задокументированных данных.

Итак, сибирскую мемуарно-дневниковую прозу в первой половине XIX в. следует рассматривать не только как некую рефлексивную практику, но и как интрагенерационную траекторию в контексте авторского бытия, способствующую накоплению символического капитала. В этом смысле именно габитусы агентов и пространство как «освящающий» топос становятся базовыми установками в классификации мемуарно-дневниковой прозы Сибири.

Примечания

¹ Включение текстов путевых дневников в корпус сибирской мемуарно-дневниковой прозы продиктовано двумя основными факторами: «личный опыт пребывания автора в Сибири и наличие сибирских реалий в его произведении» [9. С. 38], в чем мы полностью разделяем исследовательскую позицию Н.П. Матхановой.

² Авторские орфография и пунктуация сохранены.

³ Используется термин французских культурологов М. Вернера и М. Эспана. Только особенность в данном случае в том, что этот обмен осуществляется внутри единого государства. Это лишний раз доказывает самобытность сибирского края.

Список источников

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.

2. Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8
3. Местергази Е.Г. Литература non-фикшн/non-fiction : экспериментальная энциклопедия : русская версия. М. : Совпадение, 2007. 325 с.
4. Анохина А.В. Проблема документализма в современном литературоведении // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 189–194.
5. Басаргин Н.В. Записки Николая Васильевича Басаргина. М. : Тип. Ф. Иогансон, 1872. 171 с.
6. Михайленко К.А. Мемуары сибирских авторов о декабристах // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 512. С. 29–41. doi: 10.17223/15617793/512/4
7. Вьолле К. Дневник в России в конце XVII – первой половине XIX как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2006. С. 57–111.
8. Спасский Г.И. Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири, изданные Григорием Спасским, Императорской Санкт-Петербургской академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Ч. 1–2. СПб., 1819–1822. 182 с.
9. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
10. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М. : тип. А. Семена, 1852. 107 с.
11. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.
12. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2, ч. 2 / сост.: О.С. Острой и др. ; науч. ред. П.А. Зайончковский. М. : Книга, 1978. 341 с.
13. Русский travelog XVIII – начала XX веков : аннотированный указатель / сост.: А.А. Богодерова, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов [и др.] ; под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 829 с.
14. Мельникова С.В. Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 63–76. doi: 10.17223/18137083/81/5
15. Айзикова И.А. Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 103–125. doi: 10.17223/23062061/27/6

References

1. Gudkov, L.D. & Dubin, B.V. (2004) *Literatura kak sotsial'nyy institut: Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a Social Institution: Articles on the Sociology of Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Ayzikova, I.A. (2024) Types of socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of travel prose of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 145–175. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/8
3. Mestergazi, E.G. (2007) *Literatura non-fikshn/non-fiction: eksperimental'naya entsiklopediya: russkaya versiya* [Non-fiction Literature: An Experimental Encyclopedia: Russian Version]. Moscow: Sovpadenie.
4. Anokhina, A.V. (2013) Problema dokumentalizma v sovremennom literaturovedenii [The problem of documentalism in modern literary studies]. *Znanie. Poniimanie. Umenie*. 4. pp. 189–194.
5. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasil'evicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
6. Mikhaylenko, K.A. (2024) Memoirs of Siberian authors about the Decembrists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 29–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/4
7. V'olle, K. (2006) Dnevnik v Rossii v kontse XVII – pervoy polovine XIX kak avtobiograficheskaya praktika [Diary in Russia at the end of the 17th – first half of the 19th century as an autobiographical practice]. In: *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii* [Autobiographical Practice in Russia and France]. Moscow: IWL RAS. pp. 57–111.
8. Spasskiy, G.I. (1819–1822) *Noveyshie uchenye i zhivopisnye puteshestviya po Sibiri* [The latest scientific and picturesque travels in Siberia]. Parts 1–2. St. Petersburg. (In Russian).
9. Matkhanova, N.P. (2010) *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian Memoir Literature of the 19th Century]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Belov, I. (1852) *Putevye zametki i vpechatleniya po Zapadnoy Sibiri* [Travel Notes and Impressions of Western Siberia]. Moscow: tip. A. Semena.
11. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
12. Ostroy, O.S. et al. (1978) *Istoriya dorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikh i vospominaniyakh: Annotirovannyi ukazatel' knig i publikatsiy v zhurnalakh* [History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: An Annotated Index of Books and Publications in Magazines]. Vol. 2, part 2. Moscow: Kniga.
13. Bogoderova, A.A., Ermakova, N.A., Kozlov, A.E. et al. (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* [Russian Travelogue of the 18th – Early 20th Centuries: An Annotated Index]. Novosibirsk: Nemo Press.
14. Mel'nikova, S.V. (2022) Put' v Sibir' kak opyt "porogovoy" situatsii v memuarakh pravoslavnogo dukhovenstva XVII–XIX vekov [The path to Siberia as an experience of a "threshold" situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th–19th centuries]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 63–76. doi: 10.17223/18137083/81/5
15. Ayzikova, I.A. (2021) The cultural landscape of Siberia in the religious literature of the second half of the 19th century: Imaginary and social geography. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 103–125. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/6

Информация об авторе:

Михайленко К.А. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Mikhaylenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 23.07.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.